

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.20>

Хазанкович Юлия Геннадьевна

ДУХОВНАЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ ЯКУТИИ В ПОВЕСТИ А. КРИВОШАПКИНА "ОХОТНИК ТОРМИТА": ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

Повесть в рассказах "Охотник Тормита" Андрея Кривошапкина, одного из ярких прозаиков современной эвенской литературы, никогда ранее не была объектом литературоведческой и критической рефлексии. Впервые на репрезентативном художественном материале исследован такой невербальный феномен, как духовная и повседневная культура эвенов. Герменевтический подход позволил выявить этноэстетический контекст культурных реалий эвенов, те или иные грани их языческого мировоззрения, обнаружить тематические схождения повести с более ранним произведением автора - этнографической поэмой "Мир эвена" - и сделать вывод, что промысловый и кочевой уклад жизни - основа духовной и повседневной культуры эвенов, характера и стратегии поведения охотника Тормиты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 89-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Абдуллина Д. М.** Габдулла Тукай ижатында Коръэн мотивлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 191 б.
2. **Аминева В. Р.** Габдулла Тукай и русская литература XIX века: типологические параллели. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 159 с.
3. **Габдулла Тукай:** энциклопедия / баш мөх. З. З. Рәмиев. Казан: Г. Ибрагимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. 864 б.
4. **Загидуллина Д. Ф.** Основные мотивы поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 46-52.
5. **Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая (1886-1907)** / ред. З. З. Рамеев, М.И. Ибрагимов. Казань: Изд-во ИЯЛИ АН РТ, 2018. 448 с.
6. **Миннуллин К. М.** Изучение литературного наследия Габдуллы Тукая в контексте тюркоязычных литератур (на примере одного мотива из творчества Г. Тукая и Сабира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). С. 41-44.
7. **Надыршина Л. Р., Ханнанова Г. М.** Мотив сна в творчестве Г. Тукая и татарских поэтов начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 2. С. 254-258.
8. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Т. 1. Шигъри әсәрләр (1904-1908). 407 б.
9. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Т. 2. Шигъри әсәрләр (1909-1913). 384 б.
10. <http://www.gabdullatukay.ru/rus/> (дата обращения: 16.09.2019).

EXISTENTIAL MOTIVES IN ĞABDULLA TUQAY'S CREATIVE WORK

Nadyrshina Leisan Radifovna, Ph. D. in Philology
Khannanova Gul'chira Makhmutovna

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
leysan_tatar@mail.ru; ghan2003@mail.ru

The article is devoted to studying the existential motives of Ğabdulla Tuqay's Ural (1904-1907) and Kazan (the end of 1907 – 1913) periods. Special attention is paid to analysing certain motives of Ğ. Tuqay's lyrics at the level of semantics and poetics. The paper identifies and analyzes the most frequent existential motives in the Tatar poet's creative work: extinction, estrangement, loneliness, doom and surrendering to fate. The researchers reveal the socio-political and biographical factors, which influenced the poet's existential world perception. The conclusion is made about national semantics of the analysed motives.

Key words and phrases: Tatar poetry; existential worldview; Ğabdulla Tuqay; motive; poetics.

УДК 82-3

Дата поступления рукописи: 17.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.20>

Повесть в рассказах «Охотник Тормита» Андрея Кривошапкина, одного из ярких прозаиков современной эвенской литературы, никогда ранее не была объектом литературоведческой и критической рефлексии. Впервые на репрезентативном художественном материале исследован такой невербальный феномен, как духовная и повседневная культура эвенов. Герменевтический подход позволил выявить этноэстетический контекст культурных реалий эвенов, те или иные грани их языческого мировоззрения, обнаружить тематические сходжения повести с более ранним произведением автора – этнографической поэмой «Мир эвена» – и сделать вывод, что промысловый и кочевой уклад жизни – основа духовной и повседневной культуры эвенов, характера и стратегии поведения охотника Тормиты.

Ключевые слова и фразы: повесть в рассказах; эвенская литература; герменевтика; Андрей Кривошапкин; эвенская повесть; культура повседневности.

Хазанкович Юлия Геннадьевна, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
hazankovich33@mail.ru

**ДУХОВНАЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА ЭВЕНОВ ЯКУТИИ
В ПОВЕСТИ А. КРИВОШАПКИНА «ОХОТНИК ТОРМИТА»:
ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ**

Актуальность обращения к теме определена необходимостью углубления наших представлений об аутентичной культуре эвенов Якутии в рамках уже имеющихся глобальных знаний об Арктике. При этом нетрадиционный объект исследования, на наш взгляд, вполне репрезентативен. Это – повесть в рассказах эвена Андрея Кривошапкина, ведущего национального прозаика современности, знатока и носителя традиционных ценностей своего народа.

Повесть народного писателя Якутии А. Кривошапкина «Охотник Тормита» увидела свет в Якутском издательстве «Бичик» в 2007 году. Книга была издана в рамках проекта «Писатели земли Олонхо». Повесть написана на эвенском языке («Тормита буюсэмнэ»), но на русском языке увидела свет в переводе писателя,

Лауреата премии Ленинского комсомола Валерия Хайрюзова. В 2018 г. А. Кривошапкин был признан лучшим автором литературы для коренных народов Севера за книгу «Охотник Тормита».

Следует подчеркнуть, что повесть ни на эвенском, ни на русском языке по сию пору не была объектом внимания критиков и литературоведов, между тем творчество Андрея Кривошапкина – поэта, прозаика и публициста, достаточно изучено. В этой связи необходимо отметить монографию Н. Н. Тобурокова «Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества» [15], отдельные публикации В. Б. О कोरोковой [9], книгу литературоведческих исследований и критических статей под редакцией В. В. Огрызко «Эвенская литература» [19]. Так, справедливо было отмечено, что ранние рассказы Кривошапкина объединены одной темой – знакомство с обычаями, традициями эвенов [11, с. 187]. Подчеркнем, что и в зрелом творчестве эвенский писатель следует этому, но его проза обогащается обращением к современности – характерам, сегодняшним реалиям духовной и повседневной жизни (например, роман «Кочевье длиною в жизнь»), и этим он открывает новую страницу в истории эвенской литературы. **Научная новизна** нашего исследования определена тем, что впервые предлагается на материале художественной литературы обратиться к такому невербальному феномену, как духовная и повседневная культура эвенов. Также новизна определяется тем, что критики и литературоведы по большей части рассматривают повести и поэзию Кривошапкина 1970-1980-х годов в социологическом или сравнительно-историческом аспекте, отмечая, что в них «знакомство с обычаями, традициями эвенов, к которым с уважением относятся все герои произведений – от стариков до малышей» [19, с. 187], а «люди и олени не антагонисты в его творчестве, а большие и малые дети природы, живущие во взаимопонимании, согласии и любви» [Там же, с. 196]. По словам литературоведа В. Б. О कोरोковой, «автор создает целый эпос о своем народе и его вечном спутнике – олене, что и является отличительным свойством эвенского писателя» [Там же]. В рамках нашего исследования нам близко высказывание якутского литературоведа Н. Н. Тобурокова о феномене творчества эвена Андрея Кривошапкина: «На мои подшучивания: “Какой же ты эвен? Ты можешь себя считать москвичом... тем более крупные произведения существуют только в переводе на якутский язык с русского...», то он неизменно отвечает: «Я – эвен. Я вижу все глазами эвена»... Безусловно, национальное самосознание играет в его творчестве одну из главных ролей в создании национальных образов» [Там же, с. 197].

Будущий эвенский писатель А. Кривошапкин воспитывался в традициях эвенского народа, со знанием материнского языка своих предков, он с детства погружен в «коды» социокультурной среды эвенов, ведущих традиционный образ жизни кочевников и промысловиков. Хорошее владение родным языком определяет у Кривошапкина знание языка невербальной коммуникации своих сородичей, самого уклада жизни, который формирует определенную форму общения в этносоциуме и с окружающим миром. Коды духовной культуры и культуры повседневности эвенов, безусловно, определены климатическими условиями Арктики, традиционным образом жизни и, следовательно, предопределяют стереотипы поведения и восприятия окружающего мира у человека. Потому повесть эвена Кривошапкина – материал чрезвычайно интересный, репрезентативный в рассмотрении кодов культуры. **Задачей** нашего исследования являются выявление особенностей авторской интерпретации кодов культуры эвенов, рассмотрение их функций и смыслов в художественном тексте.

Выбор объекта исследования не случаен: тематическая определенность творчества А. Кривошапкина – тема сохранения этнокультурной среды как залога выживаемости этноса – ведущая в его творчестве. Эвенский прозаик сверхзадачей считает, что следует «писать, руководствуясь неисповедимой логикой свыше, даже если писатель не знает ответов на вечные вопросы бытия» [2, с. 4].

Статья В. Хайрюзова «Мой северный друг Андрей Кривошапкин» предваряет текст повести и дает «ключ» к восприятию национально-эстетического мира эвенского автора: «Кривошапкин хорошо знает современную русскую литературу, он вырос на ней, постарался взять все лучшее, что в ней есть, высоко оценивая творчество Валентина Распутина, Василия Белова, Евгения Носова. Описываемая им природа показана и действует в его повествованиях в качестве самостоятельного персонажа... Во всех его книгах и выступлениях красной нитью проходит одна и та же мысль: природу Крайнего Севера надо не только беречь, но и сохранять, оберегать от людей неразумных и алчных, поскольку она ранима, как и все живое на земле» [16, с. 6]. Но не только природа становится героем произведений А. Кривошапкина. Предметом его художественного воплощения оказывается душа эвена, которую автор открывает через мотивы эвенских сказок со следами древнейших верований и точными этнографическими деталями, выявление и интерпретация которых составляют **цель** нашего исследования.

Методология. Предлагаемый ракурс рассмотрения определен тезисом Г. Гадамера о том, что произведение – это продукт культурного и духовного опыта эпохи. И чтобы понять его, надо проникнуться духом этой эпохи, изучить ее культурно-исторический опыт [4, с. 251]. Герменевтический подход позволяет погрузиться в этноэстетический контекст культурных реалий, воплощенных в повести не отстраненно, а в со-бытии автора с сородичами. Чтобы понять бытие, следует, по мнению М. Хайдеггера, интерпретировать его. Чем ближе подходит интерпретатор к сути авторского замысла, тем ценнее и вернее его понимание произведения [21, р. 49]. В рамках нашей статьи впервые мы предлагаем повесть эвенского автора исследовать с позиций обозначенного подхода.

Повесть состоит из 66 рассказов, в которых раскрываются грани характера, ментальности эвенов. Связь повести с ранним произведением Кривошапкина – поэмой «Мир эвена» (2000) очевидна: «этнографическая поэма» представляет собой «энциклопедию материальной и духовной культуры эвенов» [12, с. 403], в которой обозначены базовые нравственные ценности этноса, духовная «суть северного человека, а через авторское восприятие – и всего аборигенного этноса Сибири» [5, с. 48-49]. По словам Н. Н. Тобурокова, поэма «Мир эвена» – «поэтический свод правил, обычаев жизни эвенов, он излагает их взгляды на разные вопросы бытия» [19, с. 214], а в его повести это все персонализировано через образ эвенского охотника, который в быту и обрядовой сфере транслирует национальное видение мира. В повести «Охотник Тормита» сюжетное единство

текста «скрепляется» образом главного героя и автора-повествователя. Избранная форма повествования восходит к традициям русской литературы (автобиографические повествования Л. Толстого и М. Горького) и первых повестей северных прозаиков (Н. Тарабукин, Д. Кимонко).

С этническими воззрениями эвенов, их представлениями о мире, обычаями знакомит читателя именно автор-повествователь, рассуждения которого лично маркированы: «Я знаю, что у эвенов из поколения в поколение передается уважительно-почтительное отношение к медведю. Я сам преклоняюсь перед этим могучим зверем. Поэтому не понимал бесшабашности Тормиты. Но недаром говорят, прав тот, кто смеется последним... И вот задумал рассказать об этом удивительном эвене. Об его таежной жизни» [6, с. 10]. Тему «бесшабашности» героя автор раскрывает в одноименном рассказе «Охотник Тормита». Автор-повествователь отмечает, что охотник Тормита имел одну не очень одобряемую сородичами привычку – «к месту и не к месту он говорил о медведях неучтиво». Следует сказать, что автор не включает напрямую в свое художественное повествование тот или иной жанр эвенского фольклора. Но замечание о «плохой привычке» своего героя непосредственно указывает на то, что сам автор является носителем культурных традиций эвенов. В повседневной жизни малых народов Севера, в частности эвенов и эвенков, функционируют особые правила, оформленные в виде запретов и предписаний. Основная их задача – моделировать поведение человека. У разных народов эти фольклорные жанры имеют специальные названия: запреты (*оде* (эвенк.), *харыс* (як.), *одавки* (эвен.)) и предписания (*иты* (эвенк.), *етун* (эвенк.), *доро* (ульчи)) и соответственно переводятся как «запрет», «закон», «правила», «обычай», «привычка». Запреты и правила касаются зачастую пищи, промысла, бытовых ситуаций и имеют относительно четкое деление по гендерному аспекту (то есть одни запреты касаются только беременных женщин, другие – мужчин-промысловиков). В культуре обско-угорских (ханты и манси) и тунгусо-маньчжурских (эвенки и эвены) народов достаточно много запретов и предписаний, касающихся медведя. У эвенков в виде и запрета, и предписания существует высказывание: «Про медведя нельзя плохо говорить. Говори только хорошо», которое уже по-особому оттеняет «дурную» привычку охотника Тормиты и в целом указывает на характерность героя повести А. Кривошапкина. Образ главного героя противоречив, и его характер не лишен эволюции (в конце повести Тормита осознает опасность своих безрассудных поступков и старается уже следовать «медвежьим» предписаниям-запретам. – Ю. Х.). Именно в рассказе «Охотник Тормита» автор дает детальное описание портрета эвенского охотника: «Он – выше среднего роста, живые карие глаза смотрят открыто и широко. Кучерявые волосы уже с проседью, лицо круглое, широкое». Повтор автором лексемы «широкий» в портретном описании Тормиты не случаен: Кривошапкин, скорее всего, подчеркивает посредством этого поэтического приема широту, распахнутость души своего героя-эвена. Хотя внешне Тормита мало похож на эвена, был он из пришлых и «никто толком не знал, откуда он появился здесь, где его родовые корни», но он «лучше всех управлял оленьей упряжкой и ловко сидел верхом на олене, был сильным и выносливым, любого свирепого оленя легко объезжал» [Там же, с. 9]. В этой связи можно провести интересную параллель: в эвенском эпическом фольклоре устойчив сказочно-мифологический мотив появления героя – «он одинок на земле» (зачастую его происхождение неизвестно. – Ю. Х.) [Там же, с. 34] и оказывается объектом изображения в состоянии «гражданского и воинского совершеннолетия» [Там же, с. 43]. В этой связи можно упомянуть эвенскую сказку «Находчивый стрелок»: «Жил в тайге юноша по имени Тунтукаки. Ни отца, ни матери у него не было, только маленькая сестрѐнка. Росли они сиротами, жили бедно. Но веселым, бойким, острым на язык был Тунтукаки» [20]. Рассказ «О том, как Тормита женился», на наш взгляд, является следующим узлом «эпического» сюжета: в эпических текстах герой-богатырь отправляется на поиски невесты. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в эпике эвенов тема сватовства и женитьбы является «типовой сюжетной осью» [7, с. 54]. Отметим, что у Кривошапкина в его повести нередко встречаются эпические мотивы из улгуров (эпических сказаний) и нимканов (эвенских сказок).

Безусловно, автор повести сознательно отступает от эпического сюжетного канона – не показывает в деталях «брачного испытания героя», но вместе с тем оно достаточно легко угадывается: Тормита вместе с отцом невесты уходят в тайгу на охоту, и по возвращению старик дает согласие видеть Тормиту в качестве своего зятя. «Ладно, Тормита, пускай будет по-твоему. Вместе поохотимся. Посмотрю на тебя, чего ты стоишь. Месяца два в селе их не видели. Вернулись не с пустыми руками. Гирге жене рассказывал вот о чем: “Тормита оказался хорошим охотником. Непоседа, в самом деле. Все время чем-то занят. При нем я отдохнул. Но, главное, общительный, отзывчивый. Одним словом, настоящий эвен. Вот иметь бы такого зятя...”. К новому году в селе появилась новая семья» [6, с. 12].

Автор не обращается к детству и юности своего героя (сюжетно это оправдано «неизвестностью» происхождения охотника Тормиты. – Ю. Х.), тем самым как бы «отступая» от имеющейся литературной традиции «авто/биографического повествования» в эвенской литературе – повести Н. Тарабукина («Моя жизнь»), М. Федотовой («Шалуныя Ньулгунэт»). Полагаем, что есть смысл традиции авто/биографических повестей в эвенской литературе рассмотреть через призму автохтонного жанра эвенского фольклора – песни-воспоминания. У последних описано время детства, реставрировано детское восприятие происходящего. Органичное соединение рассказов-бывальщин о жизни маленького героя образует единое повествование. Присущая повестям Н. Тарабукина и М. Федотовой фактологическая детализация, берущая истоки в исторических преданиях, в целом позволяет автору передать сам дух времени, историко-бытовые реалии жизни эвенского народа. У Андрея Кривошапкина в каждом рассказе раскрывается новая грань характера эвенского охотника в тесной связи с мировоззрениями сородичей. Промысловый и кочевой уклад жизни – основа духовной культуры эвенов, их особой формы поведения в быту и на природе, сопряженной с этикой родового поведения – бережным отношением к Другому и окружающему миру – живому и неживому.

Тормита – свободный человек, и автор подчеркивает это на протяжении всего повествования: он тянулся в тайгу, на охоту, к оленям, где есть раздолье и «свободный полет мыслей». Охотник был быстр и напорист. Тормита – «сын гор и тайги, любит природу и воспринимает ее как родную мать». Он любит простор и свободу, но, как «настоящий эвен» (по словам отца невесты Тати. – Ю. Х.), Тормита – общительный и отзывчивый человек, зрелый охотник-промысловик, тундровик, стремится к созданию семьи.

Один из рассказов повести так и называется «О том, как женился Тормита». Это согласуется с традиционными представлениями эвенов, для которых семья – это «теплый илуму, где пылает гостеприимный очаг» [Там же, с. 10]. Семья для эвена, равно как и продолжение рода, – это «альфа» и «омега» смысла существования человека на земле. Избранницей героя становится девушка Тати, и Тормита, как «истинный эвен», осознанно женился в жизни только один раз и был уверен в постоянстве своих чувств: «Старый Гирге про себя благодарил духа земли, что он дал семейное счастье любимой дочери с охотником Тормитой. Вслух ничего не говорил. Боялся сглазить» [Там же, с. 12]. Автор не показывает описание традиционной свадебной обрядности эвенов. В главе упоминается такой досвадебный обряд, как сговор, то есть соглашение между родителями молодых людей. Но так как Тормита одинок, то он сам приходит в дом невесты. Он не испрашивает разрешения на брак у ее отца, а просит его взять с собой на охоту. Тем самым подчеркивается значимость промысла, в частности охоты, в хозяйстве эвенов. В этом рассказе охота выступает как своего рода инициация героя – испытание на зрелость и способность стать главой семьи. Тормита, уйдя в тайгу на два месяца с отцом Тати – Гирге-ака, показывает себя как «настоящий эвен», и отец Тати видит его своим зятем, достойным мужем для своей дочери: «К новому году появилась новая семья. Скромно, без всяких там свадебных церемоний Тормита и Тати расписались в сельсовете» [Там же].

Автор в последующих главах («Осада», «Кэрэмэс», «Шатун», «Два рыбака») показывает перипетии отношений отважного, смекалистого охотника и медведя. Сюжет «человек – медведь» укоренен в литературе малочисленных народов Севера фольклорно-мифологической и обрядовой традицией. Так, культ медведя наблюдается у эвенов, эвенков, нивхов, ненцев, юкагиров, чукчей, нанайцев и др. [10, с. 26]. Культ медведя, по словам А. А. Петрова, проявляется у народов Сибири в особом отношении к нему, выделении его среди других зверей. Эвены признают его существом, кровно близким человеку. Существует достаточно много запретов-предписаний относительно медведя: «...когда убиваешь медведя, не тронь его глаза. Если заденешь, твои глаза ослепнут» [17, с. 21], «если раненный медведь убежит, обязательно догони» (эвенк.) [Там же, с. 24]. В повести А. Кривошапкина главный герой медведя называет не общим «именем» – «накат», а употребляет слово «абага»: «...за долгие годы Тормита почувствовал свою слабость перед абага – медведем», то есть «отцом, дедушкой-медведем». Подобное «именование» медведя обусловлено табуированным названием медведя по родственной мужской линии [10, с. 29]. Эвены верят, что медведь способен понимать язык всех зверей и язык людей [13], и герой Кривошапкина тоже «научился разговаривать с ним».

В каждом рассказе автор раскрывает ту или иную грань языческого мировоззрения своего народа. Так, в рассказе «Сон Тормиты» повествуется о странном сне героя, потерявшего иголку в хвойном настиле, содержание которого «стыкуется» автором с эвенским преданием об иголке, смысл коего – утрата иголки мыслится как смерть человека. Повествователь восклицает: «Вот как! Иголка высоко ценилась в старину. Тут другая философия, если подумать как следует». Такое авторское отступление заставляет «споткнуться» читателя и осознать парадигмы отношений эвенов с миром окружающим, складывавшихся на протяжении тысячелетий и выразившихся в емких метафорах: «добыча, олень – жизнь – иголка» и «неудача на охоте, потеря оленя – потеря иглы – физическая смерть». Рассказ заканчивается словами автора-повествователя: «Что касается эвенского предания, то по мне, естественно, дороже жизнь ребенка, чем иголка. Все-таки это человек, продолжатель рода. Добрый день сегодня прожил, полезный. Оленьими тропами во мне рождают радость и надежду. По этим тропам отыщем всех оленей, которых где-то утеряли» [6, с. 41].

Рассказ «Как Кэрэмэс удивил Тормиту» – своего рода гимн верной собаке Кэрэмэсу – инициативному, важному, опытному псу-охотнику и оленю с «удачливым духом», торящему себе дорогу, оленю, с которым «пустым не бывает оленевод – то добудет уямкана, то найдет утерянных оленей», но вместе с тем сам Тормита изображается в нелепой для охотника ситуации. «Оленья» тема проходит у Андрея Кривошапкина красной нитью. Лирическая строчка Кривошапкина-поэта «будет олень – будет эвен» стала названием одного из рассказов повести. Автор-повествователь описывает характер оленя («Опасный сосед»), его величественную стать и жизненную силу («Для чего оленю рога»), и публицистически взволнованно прорывается голос уже самого автора: «...в самом деле, живые рога очень важны, чтобы олень был здоровым. Сейчас оленей становится все меньше и меньше. А это связано со срезкой рогов. Живые рога убивают. Рождаются слабое потомство от безрогих самцов и важенок. Вот одна из причин спада оленеводства. Я всегда был против срезки рогов... Истинным оленеводам здоровье оленей дороже денег... В олене заложена душа эвена. Ни одна техника не заменит оленя. Не изменяйте оленю, не предавайте его... Олень – душа, лицо и совесть народа. Не забывайте об этом» [Там же, с. 58].

В рассказе «Ходячий талисман» звучит ода еще одному помощнику оленных эвенов – уямкану, который «появился на свет на счастье эвенов» и дал эвенам еду под названием *кээбэл*, о которой сложено предание и благодаря которой «и стар, и млад поправляют свое здоровье» [Там же, с. 63]. Интересен в сюжетном плане рассказ «Ворон-проводник», который представляет собой сюжетно законченное повествование. Автор посредством эвенского предания о вороне-проводнике волчьих стай и поверья «поясняет» поведение Тормиты-охотника за уямканами: «...древние сородичи, упустив первую добычу, поворачивали назад, что раз не получилось с первого раза, то не выпадет другого удачного захода. Так и поступил сейчас Тормита. Значит, сегодня не его день...» [Там же, с. 70].

Рассказ «Поединок» раскрывает еще одну личностную грань охотника Тормита – его мудрость: борьбу двух великанов – величавого дикого оленя сокжоя и матерого волка охотник разрешает в пользу выбившегося из сил оленя, мудро рассудив, согласно эвенскому «кодексу чести»: «Пусть живет. Тот, кто испытал близкую гибель, достоин жизни» [Там же, с. 83]. Но Тормита не только отважный, смекалистый, но и... забывчивый охотник, жизнь которого строится согласно эвенским представлениям о чести и достоинстве. Он добрый и чуткий, умеющий дружить и понять не только сородича, но и зверя. Тормиту восхищает благородство, природная сила, хитрость, отвага обитателей тайги и тундры: он восхищен, как медведица-мать защищает своих детенышей, как хитрый соболек нападает на сохатого, и удивляется мудрости старого тарбагана. В рассказе «Колчак» автор описывает небескорыстную «дружбу» чайки по кличке Колчак с охотником Тормитой, который специально ловит рыбу для раненой птицы. Рассказ отмечен знакомой уже читателю доброй авторской иронией, вложенной в уста простого охотника: «Ишь ты, какой чопорный и важный. Вылитый Колчак... Правда, тот был не наш, а ты мне друг» [Там же, с. 88]. Но предметом авторского описания являются не только будни, но и торжества. Настоящим праздником у эвенов становится рождение олененка белой масти: сородичи боготворят его как «посланца духа земли». В рассказе «Рождение первого олененка» А. Кривошапкина описывает обряды, проводимые на празднике рождения первого белого олененка в стаде – обращение к Духу Огня, танцевальный хоровод «хэдэ». Автор-повествователь заключает в конце главки: «Праздник удался на славу. Горы посветлели, будто улыбались. Чистое небо по-прежнему голубело. “Это к добру”, – говорят эвены» [Там же, с. 91].

Отдельные рассказы А. Кривошапкина, включенные в повесть, представляют собой энциклопедию ментальности эвенов и их культуры с соответствующим зачином: «эвены любят счет, потому точны и аккуратны», «рассудительность – достоинство эвена, позволяющее глубоко почитать традиции народа», «эвены говорят: сегодня трудно, но с годами обернется удачей», «“жизнь человека – один день. Познай его сполна”, – говорят мои предки-эвены», «эвены в тайге рассчитывают только на свои силы. Тем и живут. Слабых кочевая жизнь сама отсеивает». «Эвены умеют радоваться. Это у них в крови и особый дар свыше. Настали теплые дни. Солнце стоит высоко. Вокруг так светло, что этому рады и горы, сверкающие ослепительной белизной весеннего снега... Тормита от души любит эту пору, чувствуя в себе прилив необычной силы. Он словно молодеет душой и сердцем» [Там же, с. 89].

В рассказе «Предупреждение» озорной и неунывающий Тормита, оказавшись на краю гибели, осознает, что он может неотвратимо быть наказан Духом Земли: «Это Дух Земли меня наказал, чтобы проучить за бесшабашность и за то, что за свою жизнь пролил слишком много крови диких животных – сохатого, сокжоя, уямкана, даже медведя... Дух Земли недоволен моим излишним охотничьим азартом. Сегодня он меня только предупредил. То ли еще будет... Прости, Дух Земли, если что. Не сердись на меня» [Там же, с. 135].

Свою повесть в рассказах автор заканчивает публицистическими размышлениями и эмоционально говорит о браконьерах-хищниках, истребляющих не только животных, но в целом народ: «Ради извлечения денежных прибылей люди идут на все. Север становится заложником низменных человеческих пороков, в первую очередь, такой страсти, как всепоглощающая человеческая жадность. Жадность хищных зверей не идет в сравнение с жадностью человека. Но самое страшное, что браконьеры-хищники, продажные люди появились среди сородичей, но надежным заслоном от их деяний становится такой человек, как Тормита, – человек чести, достоинства и ответственности не только за себя и сегодня, но и перед будущим» [Там же, с. 155].

Избранный методологический подход позволил нам выявить в аутентичном произведении Андрея Кривошапкина изначальную взаимосвязь личного у охотника Тормита и этнического в общем смысловом контексте – человек как носитель ценностных ориентаций этноса, его духовных скреп. В повести очевидна сопряженность феноменов духовной и повседневной культуры эвенов. Эти феномены нашли выражение в художественной форме у писателя и при этом не утратили нравственной полезности смыслов, которые являются квинтэссенцией тысячелетнего бытийного опыта эвенов, вовлеченного в современность. Художественная задача Кривошапкина – напомнить современнику о вечных ценностях промыслового народа, включить его через удалого охотника Тормита в диалог с прошлым. Повесть в рассказах «Охотник Тормита» – это «живой голос культуры прошлого» [23, р. 33], который вплетен в современную жизнь и должен быть услышан в будущем.

Список источников

1. **Богин Г. И.** Филологическая герменевтика: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1982. 86 с.
2. **Ващенко А. В.** Сила автохтонного слова // Гобзев И. А. Цветы во льдах. Литература коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: наблюдения философа и критика / вступ. ст. А. В. Ващенко. М.: Литературная Россия, 2013. С. 3-12.
3. **Инишев И. Н.** Чтение и дискурс. Трансформации герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 168 с.
4. **Козлов А. С.** Литературоведение Англии и США XX века. М.: Московский Лицей, 2004. 256 с.
5. **Кривошапкин А.** Мир эвена: этнографическая поэма. М.: Палая-Мишин, 2000. 52 с.
6. **Кривошапкин А.** Охотник Тормита. Якутск: Бичик, 2007. 156 с.
7. **Лебедева Ж. К.** Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 112 с.
8. **Огрызко В. В.** Зарождение эвенской литературы: как это было // Эвенская литература / сост. Вяч. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2005. С. 3-38.
9. **Огорокова В. Б.** Творческий путь Андрея Кривошапкина // Огорокова В. Б. Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. С. 98-112.
10. **Петров А. А.** Медвежий миф в эвенском фольклоре // Фольклор и этнография народов Севера: межвузовский сборник научных трудов. / сост. А. А. Петров. СПб.: Образование, 1992. С. 26-35.

11. Петрова С. М. По раздольному белому насту // Эвенская литература / сост. Вяч. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2005. С. 178-191.
12. Петрова Т. А. Экология культуры эвенов в поэзии, прозе и публицистике Андрея Кривошапкина // Реальность этноса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 401-403.
13. Попова У. Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. М.: Наука, 1967. Вып. 17. С. 174-181.
14. Преловский А. Послесловие // Кривошапкин А. Мир эвена. М.: Палей-Мишин, 2000. С. 50-53.
15. Тобуроков Н. Н. Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества. Якутск: Северовед, 1999. 69 с.
16. Хайрюзов В. Мой северный друг Андрей Кривошапкин // Кривошапкин А. Охотник Тормита. Якутск: Бичик, 2007. С. 3-9.
17. Христофорова О. Б. Логика толкований. Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 80 с.
18. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989. С. 230-267.
19. Эвенская литература: сборник. М.: Литературная Россия, 2005. 381 с.
20. Эвенская сказка [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkufentazu.ru/skazki-narodov-severa/nachodchiviy-strelok-evenskaya-skazka.html> (дата обращения: 12.02.2019).
21. Hirsch E. D. The Aims of Interpretation. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 177 p.
22. Hirsch E. D. Validity in Interpretation. New Haven: Yale University Press, 1974. 287 p.
23. Palmer R. Hermeneutics. Interpretation Theory in Schleiermacher, Dilthey, Heidegger and Gadamer. Illinois: North Western University Press, 1969. 156 p.

**SPIRITUAL AND EVERYDAY CULTURE OF THE YAKUTIA EVENS
IN A. KRIVOSHAPKIN'S NOVEL "HUNTER TORMITA":
ATTEMPT OF HERMENEUTIC INTERPRETATION**

Khazankovich Yuliya Gennad'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
khazankovich33@mail.ru

The narrative in stories "Hunter Tormita" by Andrey Krivoshapkin, a vivid representative of the modern Evenk prose, has not been previously subjected to literary and critical analysis. For the first time, relying on rich artistic material, the paper examines such a non-verbal phenomenon as the Evens' spiritual and everyday culture. Using the hermeneutic approach, the researcher identifies the ethno-esthetical context of the Evens' cultural realia, reveals certain aspects of their pagan worldview, ascertains thematic similarity of the story with Krivoshapkin's earlier work – the ethnographical poem "The Even's World" – and concludes that the nomadic hunting lifestyle is a basis of the Even spiritual and everyday culture, a foundation of Tormita's character and behaviour.

Key words and phrases: novel in stories; Even literature; hermeneutics; Andrey Krivoshapkin; Even narrative; everyday culture.

УДК 821.512.141

Дата поступления рукописи: 06.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.21>

Статья посвящена осмыслению эволюции лирики М. Карима. Путь от произведений, созданных в юном возрасте – в рамках социалистического реализма, – до зрелого творчества, проникнутого романтизмом и философской глубиной, показывает формирование поэтического мышления. Образы, символика, рожденные в военную эпоху, продолжают свое развитие и в послевоенной поэзии и прозе автора. Раскрывается связь между мировоззренческими постулатами раннего и позднего Мустая Карима. Сохранение чувственности и любви как основных смысловых платформ его произведений, свое видение интернациональной проблематики выводят творчество поэта на наднациональный уровень мировой культуры.

Ключевые слова и фразы: М. Карим; лирика; эволюция; проза; фольклор; мифопоэтика; сюжет; персонаж.

Хужахметов Айну́р Оска́рович, к. филол. н.
Гиндуллина Раушания Айдаровна
Башкирский государственный университет, г. Уфа
khuzha@mail.ru; raush2810@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИРИКИ МУСТАЯ КАРИМА

В связи с размахом празднования 100-летия народного поэта Башкортостана Мустая Карима вновь проявился отчетливый интерес к его личности и творчеству. Возник вопрос о необходимости интерпретации лирических произведений с точки зрения не столько структуры или строфики и содержательной основы, но в области развития тематики и отображения лирических героев, что и определило **актуальность** настоящего исследования. **Научная новизна** настоящей статьи определяется тем, что впервые осмысливается эволюция лирики М. Карима. **Целью** исследования становится осмысление художественного своеобразия лирики поэта. Осмысление ключевых произведений поэта, формирование в создаваемом художественном пространстве образности и смысла,